

Александр
БЕЛИНСКИЙ:

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ —

Ленинград, правда, — 1990. — 1 нояб.

«Быть знаменитым некрасиво, на это подымает ввысь...». Эти слова так же известны, как имя поэта, написавшего их. Какой ценой покупается право на движение ввысь? Может быть, с такого вопроса начать разговор с заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Государственной премии РСФСР, лауреатом международных фестивалей в Каннах, Монте-Карло, Лондоне и Праге Александром Аркадьевичем Белинским?

Однако с Белинским разговаривать непросто. Все, что мне его дела, а не того, чем он

— КАКОЙ ценой покупается право на движение ввысь?

— Мне кажется, ни один элементарно уважающий себя человек не думает вообще о том, двигаться ввысь или вниз. Во-первых, это неинтересно. Во-вторых, это признак или тщеславия, или беспросветной глупости. Любой человек, который думает о том, как он поднимается ввысь, просто карьерист, и даже такой в общем уникально тщеславный человек, как Евгений Александрович Евтушенко, написал прекрасное стихотворение, которое кончается словами: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю ее!». Так что я думаю, что о таком просто никто не думает, если человек хоть маломальски себя уважает. Особенно если он является художником.

У меня последнее время появился такой термин — я им часто пользуюсь и даже один раз использовал в печати, — синдром Фишера. Дело в том, что экс-чемпион мира по шахматам, как известно, перестал играть из боязни проиграть. Вот этот синдром Фишера охватил очень большое количество художников, причем людей высоко одаренных, которые, достигнув какого-то успеха, боятся ставить спектакли,

снимать фильмы, писать картины. Все же крупные художники, которых я знал на своем веку, никогда об этом не думали. Просто, заканчивая работу, начинали следующую. Вернее, уважающий себя человек, делая какую-то работу, уже думает о последующей.

Один очень близкий мне человек, с которым я даже поссорился из-за этого, сказал такую фразу: «Нужно каждую последующую работу делать лучше, чем предыдущую». Это бред. Георгий Александрович Товстоногов в своей замечательной книге привел дивный пример, как он ставил «Грозу» в Театре Ленинского комсомола, считая ее главным событием сезона. А параллельно, чтоб артисты были заняты, он запустил «Дорогу бессмертия», спектакль о Фучике. В результате «Гроза» прошла пять-шесть раз и не имела никакого успеха, а за Фучика он получил Государственную премию.

То же самое происходило и в БДТ. Он ставил спектакль «Дали неоглядные», запрограммированный к очередному юбилею. Эта постановка не имела никакого успеха. А параллельно он запустил «Мещан» — спектакль, который стал шедевром классического репертуара театра. Так что я думаю,

занят в данную минуту, а занят он постоянно, ему просто неинтересно. После пяти минут разговора он открыто спускает, звонит телефон, появляются и исчезают люди. Настороженно полубезыгодного собеседника падают, он становится сам себе в тягость, напор ослабевает, и остается надеяться лишь на то, что произойдет нечто неведомое, что, как в искусстве, так и в жизни, вдруг возникает за словами и делает обычный обмен словами — общением.

Итак, именно в надежде на то, что такое случится, первый вопрос — о ввысь:

что движение ввысь так, как сформулировано в этом вопросе, может осуществлять кто угодно, кроме художника. Если же художник думает о движении ввысь, то ничего, кроме потерь, не будет, и ничего из этого никогда в жизни не получится.

— Теперь, если можно, вот о чем. В сорок четвертом году вы окончили московскую школу, в сорок шестом — поступили в ГИТИС. Сталину оставалось прожить семь лет. Коснулась ли вас «тень Люциферова крыла»?

— Ну что значит коснулась? Раз я живу в этой стране, все это не могло меня не коснуться. Я не любил Сталина. С 35 года, когда мне было семь лет и арестовали моего деда, Михаила Борисовича, которого я бесконечно любил и люблю. У меня сидел отец. Потом знаменитая позорная кампания по борьбе с космополитизмом, и когда я закончил институт, мне просто было отказано в Ленинграде в работе. Если бы не Николай Павлович Акимов, который меня устроил работать в Литву, я после армии остался бы без работы. А вернулся я в Ленинград тоже еще в очень тяжелые годы после смерти Сталина. Я даже думать не мог, что

мне удастся вернуться. Работал на периферии, причем с большим увлечением работал. Светлой памяти Георгий Александрович Товстоногов, которому я очень обязан, меня вернул.

Но тут я должен немножко похвастаться и даже не немножко, хотя это не главное мое качество. В целом я, пожалуй, прожил бескомпромиссную жизнь. Правда, вынужден был поставить «Честь смолоду» Первенцева — был такой воспеватель и одописец. Я поставил и погодинский «Миссургийский вальс», где пытался разоблачать американский империализм... На генеральной репетиции я даже сам не понял сюжета.

А вообще-то я всегда вел себя довольно развязно, довольно смело. Всю мою, так сказать, известность мне создали капустники, которые с 1949 года — двадцать один год — вызывали очень большой интерес. Покойный Михаил Сергеевич Янкоаский, тогда директор Дворца работников искусств, назначал эти капустники в те дни, когда были заседания (а он знал, что были) бюро обкома. Значит, никто не придет, то есть ничего не грозит. Сейчас они кажутся беззловонными, эти капустники. Мы вот недавно на свой юбилей с Валентиной Ковель и Николаем Трофимовым сыграли старые номера. Сейчас это просто детский лепет, а тогда все это было на уровне 58-й статьи.

— Есть ли у вас, как творческой личности, какие-то заповеди? Может быть, вы сформулируете их!

— Попробую. Первая заповедь — быть честным. При чем главным образом с самим собой. Вторая заповедь — быть искренним. Быть искренним по мере сил. В том смысле, чтобы не пытаться эпатировать. Я на днях написал большую статью о самом моем любимом режиссере — Марке Анатольевиче Захарове, где все время противопоставляю его замечательно искренние спектакли и спектакли с желанием эпатажа. Вообще неважно какого эпатажа — художественного, политического. Так вот если я хочу удивить, хочу поразить — моя заповедь — к этому не прибегать. Третью, пожалуй, самая трудная, почти несоблюдаемая — бескомпромиссность в выборе тем, сюжетов. То есть если тебе предлагают, сулят массу благ... Сейчас эта заповедь, наверное, самая главная. Ведь часто в основе жизни художника лежит одна заповедь: «Что я с этого буду иметь?» Так вот, надо уметь отказаться — моя заповедь, не идти на это, будут ли это зарубежные гастроли или ты получишь за это премию, будут ли платить в валюте или ты поедешь на престижный кинофестиваль. Или такое, например: «Ой, давайте ставить этот спектакль, это типичный спектакль для выезда... Вот заповедь, пожалуй, самая главная.

— По мнению многих, знающих вас понаслышке (я это подчеркиваю), вы удачливы. Как вы сами оцениваете свою жизнь с этой точки зрения?

— Удачлив? Знаете, никогда не слышал, вероятно, от меня очень тщательно скры-

валось мнение, что я удачлив. Дело в том, что меня всю жизнь все, во главе с моим светлой памятью отцом, единственным человеком на земле, который меня безгранично любил, считают крайне неудачливым. Даже эталоном неудачи. Я стал удачлив в 60 лет, когда вдруг на меня посыпались всякие, что называется, мирские блага. Я неудачлив и в личных отношениях, и во взаимоотношениях с властью, и в обретении материальных благ. Могу назвать фамилии друзей, кто это подтвердит. Это такие художники, как Валерий Гаврилин, Владимир Васильев, Кирилл Лавров, Владислав Стржельчик.

Первые пришедшие на ум имена людей, с которыми был связан годами жизни. Причем в первую очередь должен назвать одного человека — Игоря Масленникова. Игорь Федорович Масленников, кинорежиссер «Ленфильма», сейчас он руководит Российским союзом кинематографистов. Это человек (если эта фраза была бы напечатана, я был бы очень рад), которому я обязан всем. Нет человека на земле, которому был бы так обязан больше, чем ему Кирилл Лавров и Игорь Масленников даже ездили в различные инстанции по поводу моей неудачливости. Всю жизнь мечтал получить театральную премию. Причем больше всего мечтал получить театр оперетты, которого сейчас нет в Ленинграде. И получил театр одновременно с пенсионной